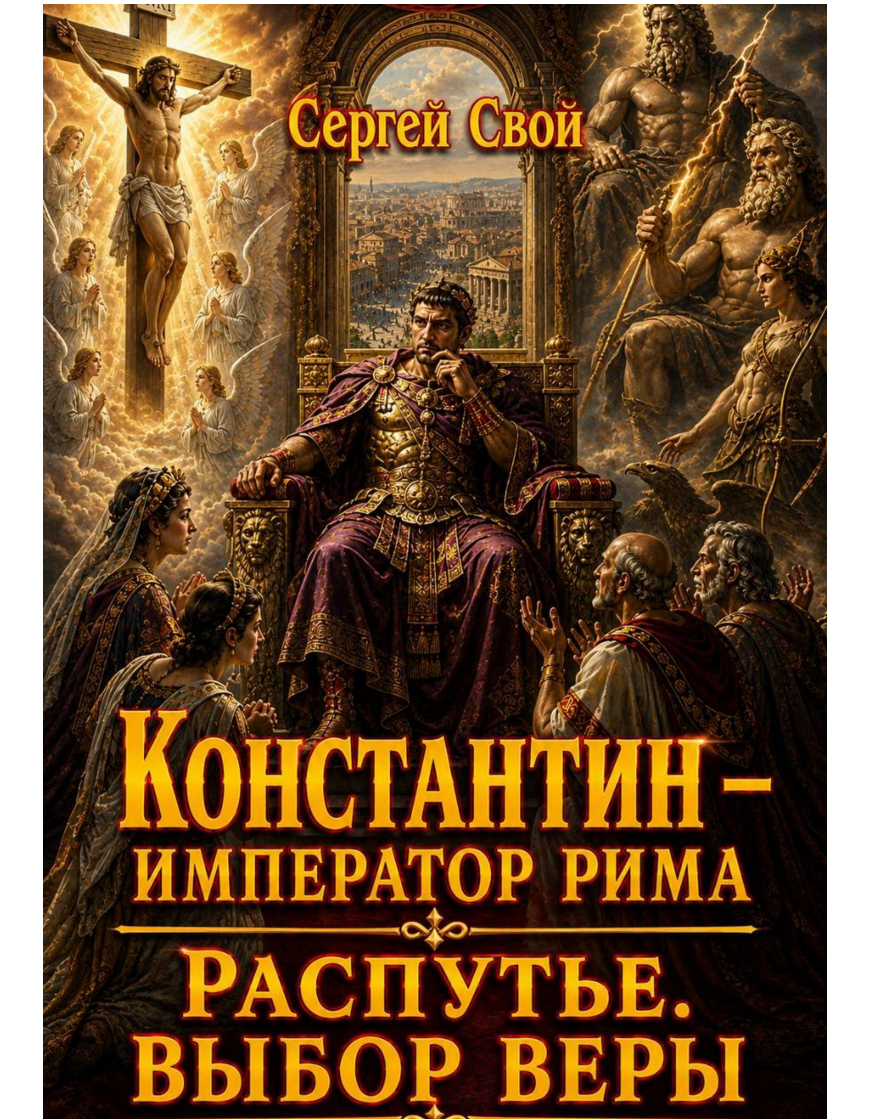

Сергей Свой

КОНСТАНТИН –
ИМПЕРАТОР РИМА

РАСПУТЬЕ.
ВЫБОР ВЕРЫ

Сергей Свой

Константин — император Рима.

Распутье. Выбор веры. 1 том

<https://litres.ru/74409024>

SelfPub; 2026

Аннотация

История знает немало мгновений, когда решение одного человека меняло судьбу целых народов.

Но особенно интересно другое: а что произошло бы, если бы в такой момент человек сделал иной выбор?

Современная физика допускает существование множества вариантов развития событий — миров, в которых история могла пойти по разным путям. О подобных возможностях размышляли и физики, и философы. Для писателя же это ещё и возможность задать простой вопрос:

«А что, если?..»

Этот роман начнётся именно с такого вопроса.

IV век нашей эры. Римская империя переживает время войн, борьбы за власть и перемен в духовной жизни общества. На исторической сцене появляется человек, которому суждено стать одним из самых известных императоров Рима.

Его имя — Константин.

История знает, какой выбор он сделал. Знает и то, насколько огромными оказались последствия этого выбора для последующих веков.

Но что, если однажды, оказавшись перед этим выбором, Константин поступил иначе?

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	25
Глава 3	50
Глава 4	75
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Сергей Свой
Константин — император
Рима. Распутье.
Выбор веры. 1 том

Название: Константин — император Рима. Распутье.
Выбор веры.

Автор(-ы): Сергей Свой

Ссылка: <https://author.today/work/640835>

Глава 1

Предисловие

История знает немало мгновений, когда решение одного человека меняло судьбу целых народов.

Но особенно интересно другое: что произошло бы, если бы в такой момент человек сделал иной выбор?

Современная физика допускает существование множества вариантов развития событий — миров, в которых история могла пойти разными путями. Об этом размышляли и физики, и философы. Насколько подобное возможно в действительности — вопрос науки. Для писателя же это ещё и возможность задать простой вопрос:

«А что, если?..»

Этот роман начинается именно с такого вопроса.

IV век нашей эры. Римская империя переживает время войн, борьбы за власть и перемен в духовной жизни общества. На исторической сцене появляется человек, которому суждено стать одним из самых известных императоров Рима.

Его имя — Константин.

История знает, какой выбор он сделал. Знает и то, насколько огромными оказались последствия этого выбора для последующих веков.

Но что, если однажды, оказавшись перед этим выбором, Константин поступил иначе?

С этого момента наша история расходится с той, которую мы знаем.

Поэтому всё происходящее в романе — не изложение реальных исторических событий и не попытка пересмотреть историю христианства. Это художественная версия событий в иной ветви человеческой истории — в мире, который в какой-то момент пошёл по другой дороге.

Здесь встретятся реальные люди, реальные государства и реальные события эпохи.

Но после точки расхождения их судьба уже принадлежит другой истории.

Это роман о человеке, оказавшемся на распутье.

И о выборе, последствия которого могут оказаться гораздо больше, чем способен представить тот, кто этот выбор делает.

А теперь попробуем заглянуть туда, где история однажды пошла иначе...

Глава первая

Если сегодня спросить человека, кто правил Римской империей в начале IV века, большинство, скорее всего, ответит: император.

Ответ правильный.

Но только наполовину.

Потому что в те годы у Рима императоров было сразу несколько. И если попытаться разобраться в этом без под-

готовки, можно довольно быстро решить, что римляне сами запутались в своей власти и уже не знали, кто из них главный.

На самом деле всё было гораздо интереснее.

Ещё совсем недавно империей правил один человек. Формально, разумеется. На практике вокруг него всегда находились полководцы, наместники провинций, сенаторы, родственники и придворные, каждый из которых мог иметь собственное представление о том, каким должен быть Рим и кто достоин носить императорский пурпур.

Проблема заключалась в размерах самой империи.

Римские дороги пересекали огромные пространства от далёкой Британии до Египта, от берегов Атлантики до земель за Евфратом. Пока император находился на одном конце державы, на другом мог вспыхнуть мятеж, начаться война или появиться очередной претендент на престол. Чтобы добраться из одного края империи в другой, требовались недели и месяцы, а иногда известие о случившемся приходило тогда, когда изменить положение уже было невозможно.

Императоры погибали. Армии провозглашали новых. Провинции переходили на сторону победителя. Потом прежний победитель сам становился мишенью.

Рим пережил немало подобных лет.

И тогда человек по имени Диоклетиан решил, что империей нельзя больше управлять по старым правилам.

Он предложил решение, которое сначала показалось почти гениальным.

Если одного императора недостаточно для управления огромной державой, значит, императоров должно быть несколько.

Так появилась система, которую историки позднее назовут тетрархией — властью четырёх.

Но сами римляне не ходили по улицам и не говорили: «Наша тетрархия сегодня приняла новый закон». Для них существовали конкретные люди и конкретные титулы.

Двое правителей назывались августами.

Это были старшие императоры, обладатели высшей власти.

Ещё двое носили титул цезарей. Они считались младшими соправителями августов, помогали им управлять империей и, что было особенно важно, считались их будущими преемниками.

Смысл системы был прост.

Если один август старел или погибал, его место должен был занять цезарь. На освободившееся место цезаря назначался новый человек. Таким образом, власть должна была переходить от одного поколения к другому без обычной для Рима кровавой борьбы за престол.

По крайней мере, именно так всё выглядело на бумаге.

Диоклетиан управлял восточной частью империи, а его соправитель Максимиан — западной. Рядом с ними находились два цезаря, которым предстояло со временем стать августами.

Империя получала не одного правителя, а целую систему. Каждый из четырёх отвечал за свою часть огромной державы, командовал войсками, решал местные проблемы и мог гораздо быстрее оказаться там, где требовалось присутствие императора.

Для Рима это имело огромное значение.

И поначалу система действительно работала.

Но у любой системы есть слабое место.

В римской тетрархии этим слабым местом были люди.

Потому что титул можно передать.

Власть — тоже.

А вот желание человека получить власть, которой он однажды коснулся, передать другому бывает гораздо труднее.

Особенно если за его спиной стоят легионы.

И особенно если этот человек уверен, что именно он, а не тот, кого назначил старший император, имеет право носить пурпур.

К началу IV века Римская империя уже стояла на пороге перемен.

И одним из людей, которым предстояло оказаться в самом центре этих перемен, был молодой Константин — сын императора Констанция Хлора.

Пока ещё он не был Великим.

Пока ещё он вообще не был императором.

Но время уже начинало подводить его к тому самому распутию, о котором он тогда, конечно, ещё ничего не знал.

Распутье

Константин родился примерно в 272 году, хотя точный год его рождения историки определяют по-разному. Его отцом был Констанций Хлор — человек, которому Диоклетиан доверил одну из самых важных частей империи.

Сам Констанций не принадлежал к числу тех правителей, о которых говорили с опаской. Он не был человеком, постоянно окружённым страхом и придворными интригами. Его уважали прежде всего как способного военачальника и достаточно осторожного политика. Ему приходилось воевать на разных границах империи, восстанавливать порядок в Британии и Галлии, а затем снова возвращаться туда, где появлялась новая угроза.

Константин с детства видел совсем не ту жизнь, которую видел обычный римлянин.

Императорский двор не был для него сказочным местом, где правитель сидит на троне, принимает послов и выслушивает просителей. За внешним блеском скрывалась тяжёлая и иногда опасная работа. Император должен был знать, где находятся легионы, кому подчиняются их командиры, сколько продовольствия осталось в крепостях, какие города готовы платить налоги, а где уже начинается недовольство.

И главное — он должен был постоянно помнить, что власть в Риме держалась не только на законах.

Она держалась на армии.

Солдаты могли любить своего полководца больше, чем да-

лёкого императора, которого никогда не видели. Если военачальник обладал авторитетом, достаточно было одного неосторожного слова, чтобы его легионы решили, что именно он достоин пурпура.

Поэтому Диоклетиан и придумал свою систему.

Она должна была исключить случайность.

Император назначал себе преемника. Преемник знал, что однажды станет августом. Другой человек занимал место нового цезаря. И каждый понимал своё место.

По крайней мере, так хотелось Диоклетиану.

Но существовала ещё одна сила, с которой не справлялись никакие правила.

Семья.

Констанций Хлор был цезарем, а затем стал августом. Его сын Константин при этом не получал автоматически права стать его преемником.

В этом и состояла одна из особенностей новой системы.

Сын императора мог оказаться рядом с престолом и всё равно не иметь права на него.

Это было непривычно для римской традиции. Императоры прежних эпох часто пытались передать власть собственным детям, братьям или родственникам. Диоклетиан хотел заменить эту привычку системой, в которой личные качества будущего правителя имели больше значения, чем происхождение.

Именно поэтому Константин в юности оказался вдали от

отца.

Он находился при дворе Галерия.

Формально — как человек высокого положения, которому полагалось соответствующее воспитание.

На самом деле — как очень удобный заложник.

Галерий был цезарем, а затем стал августом Востока. Он прекрасно понимал, кто такой Константин и чьим сыном тот является. Пока молодой человек находился рядом, у Галерия был дополнительный рычаг влияния на Констанция Хлора.

Сам Константин, конечно, не мог не понимать этого.

Он рос среди людей, которые улыбались друг другу за столом, а через час могли обсуждать, не стоит ли кому-нибудь из присутствующих отправиться в ссылку.

Он наблюдал за тем, как принимаются решения, как императоры разговаривают с военачальниками, как послы пытаются угадать настроение двора и как одно слово может изменить судьбу целой провинции.

Для будущего правителя это было хорошей школой.

Но школа эта была опасной.

Потому что Константин довольно рано понял простую вещь: в Римской империи недостаточно иметь право на власть.

Нужно иметь людей, которые готовы за это право сражаться.

И ещё нужно пережить тех, кто считает, что это право принадлежит им.

В 305 году произошло событие, которое должно было доказать, что система Диоклетиана работает.

Два старших императора добровольно отказались от власти.

Диоклетиан ушёл в отставку.

Вместе с ним оставил престол и Максимиан.

Для Рима это было почти невероятно. Император не погиб в бою, не был убит заговорщиками и не проиграл гражданскую войну. Он просто снял с себя пурпур и ушёл.

Вместо Диоклетиана августом Востока стал Галерий.

Констанций Хлор получил титул августа на Западе.

Казалось, всё происходило именно так, как было задумано.

На места новых цезарей были назначены другие люди.

Система продолжала существовать.

Но за внешним порядком уже скрывалось то, что вскоре должно было стать главной проблемой Рима.

Не все были довольны тем, как распределилась власть.

И среди тех, кого новый порядок оставлял за пределами престола, были люди, считавшие себя ничем не хуже назначенных правителей.

А рядом с ними находились армии.

И родственники прежних императоров.

И города, привыкшие к своим покровителям.

И сенаторы, которые прекрасно понимали: если система рухнет, им придётся выбрать сторону.

А когда римлянам приходилось выбирать сторону, обычно это означало одно.

Кто-то скоро начнёт собирать войска.

После отречения Диоклетиана прошло совсем немного времени, и стало ясно, что созданная им система нуждается не только в правилах, но и в согласии тех людей, которым предстояло этими правилами пользоваться.

На Востоке теперь правил Галерий, а на Западе — Констанций Хлор. Оба носили титул августа и формально обладали одинаковыми полномочиями. Однако положение их было далеко не одинаковым. За плечами Галерия стояла огромная восточная часть империи, богатые провинции, многочисленная армия и собственный двор. Констанций же отвечал за западные земли, где постоянно приходилось заниматься германскими племенами, укреплять границы и восстанавливать порядок в Британии.

Кроме того, между двумя августами существовало различие, которое нельзя было записать ни в один официальный документ. Галерий был человеком, привыкшим добиваться своего. Он обладал огромным влиянием и считал, что созданная Диоклетианом система должна сохраняться в том виде, в каком её задумали её создатели. Констанций был старше, осторожнее и, судя по всему, значительно спокойнее относился к тем, кто придерживался иных взглядов.

Это касалось не только политики.

В империи продолжались преследования христиан, нача-

тые ещё при Диоклетиане. Для Галерия борьба с христианством была важной государственной задачей. Он считал, что новая вера подрывает старые римские порядки и, что было для него особенно важно, ставит под сомнение традиционное представление о власти императора.

Констанций относился к этому иначе.

Он не был христианином и не собирался превращать империю в христианское государство. Но истреблять людей только за то, что они исповедуют другую веру, считал ненужным. В западных провинциях преследования при нём были гораздо мягче, чем на Востоке.

Для будущего Константина это имело немалое значение.

Он видел, что один и тот же императорский приказ может по-разному восприниматься в разных частях огромной державы. То, что в Никомедии считалось необходимой государственной политикой, в Галлии могло казаться бессмысленной жестокостью. То, что Галерий считал проявлением силы, Констанций воспринимал как источник новых проблем.

Но пока эти различия не приводили к открытому конфликту.

У империи было слишком много других забот.

На границах постоянно происходили столкновения, армия требовала денег и продовольствия, города жаловались на налоги, а правители должны были следить ещё и за тем, чтобы их собственные военачальники не стали слишком самостоятельными.

Именно поэтому Константин оставался при дворе Галерия.

Молодой человек находился в положении, которое внешне могло показаться почётным. Он был сыном августа, пользовался уважением, получал хорошее образование и находился среди людей, от которых зависела судьба империи.

Однако сам Константин прекрасно понимал, что его положение не так безопасно, как могло показаться.

Он был сыном правителя Запада, находившимся при дворе правителя Востока.

Пока его отец оставался жив, это устраивало всех.

Но если бы Констанций умер, ситуация изменилась бы мгновенно.

Тогда возник бы вопрос: кто займёт его место?

По правилам тетрархии ответ уже существовал. Следующим августом должен был стать тот, кого назначит действующая система. Родство с умершим правителем само по себе ничего не решало.

Но Римская империя слишком долго жила по другим правилам, чтобы люди забыли о них за несколько лет.

Сын императора всегда оставался сыном императора.

И легионеры прекрасно это помнили.

В начале 306 года Констанций Хлор отправился в Британию.

Там снова требовалось его присутствие. На северных границах усилились набеги, и император решил лично возгла-

вить поход.

Константин в это время оставался на Востоке.

Он не мог знать, что эта поездка отца станет последней.

Летом пришло известие о том, что Констанций тяжело болен.

Для императорского двора такие новости никогда не были просто семейной трагедией. Смерть правителя означала изменение всей политической ситуации. Люди начинали вспоминать старые договорённости, проверять верность военачальников, оценивать состояние легионов и думать о том, кто окажется следующим.

Галерий тоже понимал, к чему всё идёт.

Если Констанций умрёт, западная часть империи должна получить нового августа.

И Галерий намеревался сам решить, кто им станет.

Константин же находился слишком далеко.

И слишком хорошо понимал, что если останется при восточном дворе, его судьбу будут решать другие.

Поэтому он сделал то, чего от него меньше всего ожидали.

Он уехал.

Ему пришлось двигаться быстро, избегая задержек и стараясь не привлекать к своему путешествию лишнего внимания. Дорога на запад была долгой и опасной, но Константин знал: если он хочет увидеть отца живым, медлить нельзя.

А возможно, он уже тогда понимал и другое.

Если Констанций умрёт до его приезда, Константин мо-

жет навсегда потерять возможность вернуться на Запад.

Империя жила по правилам Диоклетиана.

Но правила империи существовали только до тех пор, пока люди соглашались им подчиняться.

Константин собирался проверить это на собственном опыте.

Он ещё не знал, станет ли когда-нибудь августом.

Не знал, сколько людей окажется между ним и властью.

И не знал, что через несколько лет перед ним возникнет выбор, который окажется важнее самого императорского титула.

Пока он просто ехал на запад, навстречу отцу, который умирал в далёкой Британии.

Когда Константин наконец добрался до Британии, он успел застать отца в живых.

Констанций Хлор находился в Эбуракуме — городе на севере острова, который сегодня называют Йорком. Там, среди военных лагерей и укреплений, защищавших римскую Британию от набегов северных племён, император провёл последние дни своей жизни.

Константин приехал слишком поздно для того, чтобы надеяться на выздоровление отца, но достаточно вовремя, чтобы они успели увидеться.

Констанций уже почти не мог заниматься государственными делами. Болезнь отнимала силы, однако он ещё сохранял ясность ума и понимал, что происходит вокруг него. Он

знал, что после его смерти положение сына станет крайне опасным.

Возможно, именно поэтому последние разговоры отца с Константином были для молодого человека важнее любых наставлений, которые он получил за годы пребывания при восточном дворе.

Констанций не мог передать сыну власть по своему желанию. Таков был порядок, установленный Диоклетианом. После смерти одного августа его место должен был занять человек, определённый действующей системой. Сам Константин, несмотря на происхождение, не имел на это никаких официальных прав.

Но существовала другая власть, которую невозможно было записать в указе.

Легионы.

Солдаты Констанция знали его сына. Многие из них видели Константина ещё молодым человеком, а теперь перед ними стоял взрослый мужчина, который приехал к умирающему отцу после нескольких лет, проведённых при дворе Галерия.

Для легионеров происхождение имело значение.

Они не рассуждали о сложной системе Диоклетиана так, как это делали придворные чиновники. Для них всё было гораздо проще. Перед ними находился сын императора, которого они уважали. И если отец больше не мог вести их, почему бы не пойти за его сыном?

25 июля 306 года Констанций Хлор умер.

И почти сразу после этого произошло событие, которое окончательно изменило судьбу Константина.

Его провозгласили императором.

Войска подняли его на щитах и приветствовали как нового правителя.

С точки зрения армии всё было естественно. С точки зрения законной системы — совсем наоборот.

Константин получил власть не потому, что его назначил Галерий. Его выбрали легионы.

И это различие имело огромное значение.

Галерий находился далеко на Востоке и, разумеется, не собирался признавать решение западной армии. Однако убить Константина или немедленно начать войну было бы слишком рискованно. Британия и Галлия находились далеко, а Константин уже обладал тем, чего нельзя было получить одним приказом из дворца, — собственной армией и поддержкой людей, которые считали его законным продолжателем дела Констанция.

Поэтому Галерий пошёл на компромисс.

Он не признал Константина августом, но согласился признать его цезарем.

Старшим августом Запада стал Север.

Так в Римской империи снова оказалось четыре правителя.

Для читателя XXI века всё это может показаться стран-

ным. Человек, которого солдаты провозгласили императором, вдруг оказывается всего лишь младшим правителем, тогда как другой человек получает более высокий титул. Но для римской политики тех лет это было вполне логичным компромиссом.

Константин получил титул цезаря, власть над частью западных провинций и право чеканить монету от своего имени. При этом формально он признавал старшинство августа Севера.

Галерий мог считать, что таким образом поставил молодого соперника на место.

Он ошибался.

Константин тоже понимал, что получил гораздо меньше того, чего хотел. Но в отличие от Галерия он обладал терпением.

Ему было всего около тридцати лет.

Он мог ждать.

А Римская империя в это время продолжала двигаться к новой войне.

Проблема заключалась в том, что Константин был далеко не единственным человеком, который считал себя вправе претендовать на власть.

В самом Риме находился Максенций — сын бывшего августа Максимиана. Его положение было особенно опасным для новой системы. Он не являлся законным правителем, но имел знатное происхождение, связи в Риме и поддержку зна-

чительной части столичной гвардии.

В 306 году Максенций тоже был провозглашён императором.

И вот тогда стало окончательно ясно, что порядок, который Диоклетиан создавал много лет, начал рассыпаться.

Теперь в империи было уже не четыре человека, между которыми существовали заранее определённые отношения.

Правителей становилось больше.

Каждый из них имел собственные войска, собственные интересы и собственное представление о том, кто имеет право носить императорский пурпур.

Галерий мог назначать цезарей.

Солдаты могли провозглашать императоров.

Сыновья прежних правителей могли предъявлять права на власть.

Сенат мог признавать одного претендента и отвергать другого.

А города и провинции выбирали того, кто казался им сильнее.

Всё это происходило в одной империи.

И пока новые правители спорили между собой, границы продолжали требовать защиты, налоги продолжали собираться, а миллионы людей продолжали жить своей обычной жизнью, почти не представляя, насколько близко Рим подошёл к очередной гражданской войне.

Константин оказался в самом начале этой борьбы.

Пока он оставался цезарем.

Но теперь у него была армия.

Была власть.

Было имя его отца.

И было главное — время.

В отличие от многих других претендентов Константин не торопился объявлять себя единственным правителем Рима. Он прекрасно понимал, что пока вокруг него достаточно сильных противников, любое поспешное движение может закончиться поражением.

Он начал укреплять своё положение в Галлии и Британии, постепенно завоёвывая доверие войск.

А где-то далеко, на Востоке, Галерий всё ещё верил, что сможет удержать империю в рамках созданного Диоклетианом порядка.

Возможно, он действительно ещё верил в это.

Только теперь у Рима был новый претендент на власть.

И его звали Константин.

Глава 2

Константин стоял у окна и смотрел на лагерь.

Солнце уже почти скрылось за далёкими холмами, но внизу ещё продолжалась обычная жизнь военного города. Между палатками двигались солдаты, возвращались с тренировок небольшие отряды, у костров готовили ужин. Кто-то громко смеялся, кто-то спорил, а где-то неподалёку кузнец с такой яростью бил молотом по раскалённому металлу, будто именно в этот вечер от качества его работы зависела судьба всей империи.

Возможно, так оно и было.

Константин отошёл от окна и медленно прошёлся по комнате.

На столе лежала его новая печать.

Рядом стояла чаша с вином, которого он почти не коснулся.

Он всё ещё не привык к тому, что теперь имеет право ставить эту печать под государственными распоряжениями.

Ещё несколько месяцев назад он был человеком, которого держали при дворе Галерия. Сыном августа, да. Человеком знатного происхождения — тоже. Но при этом достаточно удобным заложником, которого нельзя было выпускать из поля зрения.

Теперь он был цезарем.

А цезарь в Римской империи — это уже не просто титул.
Это войска.

Деньги.

Власть.

И ответственность за тысячи людей.

Константин остановился у стола и взял печать в руку.

— Красивый кусок металла, — произнёс он задумчиво.

За его спиной послышался негромкий смешок.

— Вы говорите о ней так, словно собираетесь выбросить.

Константин обернулся.

В дверях стоял один из его военных советников, пожилой центурион, уже успевший поседеть в нескольких войнах. Он не спешил входить, пока не получил разрешения.

— Войди, — сказал Константин.

Тот вошёл и остановился напротив.

— Пришли вести с юга.

Константин сразу перестал улыбаться.

— Что случилось?

— В Риме появился ещё один император.

Несколько мгновений в комнате было тихо.

Константин положил печать обратно на стол.

— Максенций?

— Да.

Он уже знал это имя.

Сын Максимиана. Человека, который когда-то вместе с Диоклетианом правил Западом, потом добровольно отказал-

ся от власти, а теперь, похоже, не собирался мириться с тем, что его собственный сын остался за пределами императорского порядка.

— Его провозгласили солдаты?

— Преторианцы.

Константин кивнул.

Вот теперь всё становилось понятнее.

Преторианская гвардия была не обычным военным подразделением. Она находилась в самом Риме и привыкла чувствовать себя гораздо важнее, чем любой провинциальный гарнизон. Если преторианцы поддерживали человека, у него появлялся не только титул, но и столица.

— А Галерий?

— Признал?

— Пока нет.

Константин усмехнулся.

— Значит, скоро признает кого-нибудь другого.

Советник промолчал.

Константин подошёл к карте.

Она занимала почти всю стену. На ней была изображена империя — огромная, сложная, разделённая линиями провинций и границ. От Британии до Египта, от Испании до далёких восточных земель.

Он провёл пальцем по Галлии, затем задержал его у Италии.

— Если Галерий двинет против него армию, Максенций

не устоит.

— Если Галерий сможет её туда привести.

Константин посмотрел на собеседника.

— Что ты имеешь в виду?

— Север.

Константин ничего не ответил.

Теперь он понял.

Север был августом Запада. По правилам системы именно он должен был решать судьбу Италии. Если Галерий прикажет ему выступить против Максенция, Северу придётся подчиниться.

Но если он потерпит поражение, следующей целью может стать уже не Максенций.

Константин.

Он снова посмотрел на карту.

Между Галлией и Италией не существовало такой стены, которая могла бы защитить одного претендента от другого. Альпы были серьёзным препятствием для армии, но не для человека, который уже решил, что императорский титул принадлежит ему.

— Что говорят солдаты? — спросил Константин.

— О Максенции?

— О ситуации вообще.

Советник пожал плечами.

— Солдатам всё равно, сколько у нас августов и цезарей, пока им платят и ведут их туда, где есть победа.

Константин улыбнулся.

— А когда перестают платить?

— Тогда они начинают интересоваться, кто именно сидит на троне.

Это был хороший ответ.

Константин подошёл к окну.

На улице уже зажигались первые факелы. Ветер приносил запах дыма и сырой земли. Где-то далеко заржала лошадь, и ей тут же ответили другие.

Он смотрел на огни и думал о Галерии.

Тот наверняка уже получил известия о Максенции.

И наверняка вспоминал о Константине.

Возможно, именно сейчас Галерий решал, насколько опасен молодой цезарь, которого когда-то держал при своём дворе.

Константин невольно вспомнил последние месяцы там.

Он хорошо помнил взгляд Галерия.

Тот никогда не говорил лишнего. Даже когда говорил о совершенно обычных вещах, у него оставалось ощущение человека, который одновременно думает о чём-то другом.

Константин тогда был молод и ещё не обладал собственной властью.

Теперь всё изменилось.

И Галерий это понимал.

— Посланник прибыл, — раздался голос у двери.

Константин повернулся.

— Откуда?

— От августа Галерия.

В комнате стало тихо.

Константин несколько секунд смотрел на своего советника, затем спокойно сказал:

— Пусть войдёт.

Посланник оказался молодым офицером. Он вошёл, остановился на почтительном расстоянии и передал свиток.

Константин развернул его.

Письмо было коротким.

Галерий поздравлял его с назначением цезарем, выражал надежду на верность и сообщал о необходимости сохранить порядок в западных провинциях.

О Максенции не было сказано ни слова.

Константин дочитал письмо до конца и медленно свернул его.

— Что там? — спросил советник.

— Ничего особенного.

— Тогда почему вы так смотрите?

Константин усмехнулся.

— Потому что человек, который ничего не говорит о самом важном, обычно говорит именно об этом.

Он подошёл к огню и бросил свиток в пламя.

Пергамент быстро потемнел. Буквы исчезли, края листа свернулись, и через несколько мгновений от письма осталась только горстка пепла.

Константин смотрел на огонь до тех пор, пока последний кусочек пергамента не исчез.

Он уже понимал, что происходит.

Максенций бросил вызов системе.

Галерий не собирался позволять ему удержать власть.

Север скоро окажется перед необходимостью выступить против Рима.

А сам Константин должен был решить, на чьей он стороне.

И в этот момент впервые за долгое время он почувствовал не страх.

Он почувствовал интерес.

Потому что впервые перед ним открылась возможность самому выбирать свою судьбу.

До этого за него решали другие.

Диоклетиан придумал систему.

Галерий определял, кому быть цезарем.

Отец служил империи и умирал, оставив ему только имя и память.

Но теперь Константин находился здесь один.

Перед ним лежала огромная карта империи.

И впервые на этой карте появилось место и для него самого.

Он ещё не знал, каким станет его путь.

Но уже понимал главное: обратно в прежнюю жизнь дороги нет.

А где-то далеко, в Риме, Максенций тоже смотрел на кар-

ту.

И оба мужчины пока ещё не знали, что однажды им придётся встретиться.

Ночь в лагере прошла беспокойно. Константин несколько раз просыпался от звуков, доносившихся с улицы, хотя сам не мог сказать, что именно его тревожило. Вроде бы всё оставалось по-прежнему: часовые несли службу, караульные костры горели вдоль дороги, в казармах постепенно стихали голоса уставших солдат. Однако после известия о событиях в Риме привычный порядок вещей уже не казался таким надёжным.

Утром Константин отправился к войскам.

Он не любил долго сидеть в помещении, когда рядом находились солдаты. Отец когда-то объяснил ему, что армия должна видеть своего императора не только во время торжественных церемоний. Человека, которого солдаты знают в лицо, им гораздо труднее представить далёким и чужим властителем.

Константин шёл вдоль строя, останавливаясь то возле одного подразделения, то возле другого. Он разговаривал с командирами, спрашивал о снабжении, интересовался состоянием лошадей и оружия. Вопросы были простыми, но он внимательно слушал ответы, не показывая вида, если слышал что-то неприятное.

В какой-то момент к нему подошёл пожилой легионер.

Он был уже не молод, лицо его пересекал старый шрам, а

на правой руке не хватало двух пальцев.

— Ты сын Констанция? — спросил он.

Офицеры рядом сразу напряглись, но Константин жестом остановил их.

— Да.

Солдат некоторое время смотрел на него, словно пытался сравнить нынешнего человека с тем мальчиком, которого когда-то видел рядом с императором.

— Похож.

— На отца?

— Особенно когда молчишь.

Несколько человек рядом усмехнулись.

Константин тоже улыбнулся.

— А когда говорю?

— Вот этого ещё не знаю.

Старик поклонился и отошёл.

Константин проводил его взглядом. Подобные встречи казались незначительными, но именно из таких мелочей складывалось то, что было для него сейчас важнее любого официального титула. Солдаты должны были считать его своим.

Не цезарем.

Не сыном августа.

Своим командиром.

В тот же день пришло новое известие.

На этот раз оно было гораздо серьёзнее.

Север выступил из Медиолана и двинулся на Рим.

Константин прочитал донесение дважды.

— Значит, Галерий всё-таки решил вмешаться, — сказал он.

Посланник кивнул.

— Север получил приказ вернуть город под власть законного правительства.

— А Максенций?

— Собирает войска.

Константин задумался.

Он хорошо понимал, что сейчас происходит. Пока Максенций находился в Риме, его положение казалось почти прочным. У него была преторианская гвардия, поддержка части сената и имя его отца. Но против него выступала армия Севера, а за Севером стоял Галерий.

На первый взгляд исход был очевиден.

Однако Константин уже научился не доверять очевидным вещам.

— Сколько войск у Максенция?

Посланник назвал приблизительное число.

Константин нахмурился.

— А у Севера?

Число оказалось больше.

— Тогда Максенций проиграет.

— Возможно.

Константин поднял глаза.

— Ты не согласен?

— Я никогда не видел, чтобы римляне легко сдавали собственный город.

Константин ничего не ответил.

Он подошёл к карте и снова посмотрел на Италию. На этот раз его интересовало не то, что происходило сейчас, а то, что будет потом.

Если Север победит, положение Константина станет сложнее. Он останется цезарем, но рядом с ним окажется сильный август, обязанностью которого будет следить за Западом.

Если победит Максенций, система Диоклетиана получит ещё один удар.

А если Максенций удержит Рим, рано или поздно ему придётся столкнуться с Галерием.

И тогда возникнет вопрос, который пока никто не задавал вслух: на чьей стороне окажется Константин?

Он отошёл от карты.

— Пока мы остаёмся здесь.

Советник посмотрел на него с удивлением.

— Не собираетесь вмешиваться?

— Нет.

— Но если Север потерпит поражение...

— Тогда мы узнаем гораздо больше о том, чего стоит Максенций.

Константин сел за стол.

Он не хотел вмешиваться в эту борьбу, считая что это слишком рано. Пока другие претенденты на власть были за-

няты друг другом, он получал самое ценное, что только мог получить молодой правитель, — время.

Однако через несколько недель пришло известие, которое заставило его изменить мнение.

Север потерпел поражение.

Его войска начали переходить на сторону Максенция, а сам Север отступил в Равенну. Там он надеялся укрыться за крепкими стенами и дожидаться помощи.

Но помощь не пришла.

Максенций предложил ему жизнь в обмен на капитуляцию.

Север согласился.

А затем был убит.

Когда Константину сообщили об этом, он долго молчал.

Он уже привык к тому, что в Римской империи власть редко передаётся мирно. Но смерть Севера означала гораздо больше, чем гибель одного человека.

Теперь между Константином и Максенцием оставалось меньше преград.

А между Максенцием и Галерием — почти открытая война.

— Что делает Галерий? — спросил Константин.

— Собирает армию.

— Значит, скоро пойдёт на Италию.

— Скорее всего.

Константин подошёл к окну.

Внизу солдаты готовились к очередному переходу. Кто-то седлал лошадей, кто-то проверял ремни на щитах, а рядом с воротами уже выстраивался небольшой отряд.

Он смотрел на них и думал о том, насколько странной стала его жизнь.

Ещё совсем недавно он был почти пленником Галерия.

Теперь сам командовал войсками.

Ещё недавно его судьбу определяли люди, сидевшие в императорских дворцах.

Теперь эти люди начали погибать один за другим.

И всё это происходило потому, что четыре правителя, которых Диоклетиан когда-то считал достаточными для управления империей, постепенно превращались в нескольких соперников, каждый из которых хотел остаться единственным.

Константин пока не стремился стать единственным.

По крайней мере, он не говорил этого никому.

Но когда он снова посмотрел на карту, его взгляд задержался на Риме.

И впервые он позволил себе подумать о том, что когда-нибудь может войти туда не как гость и не как сын императора.

А как человек, которому принадлежит весь Рим, вся империя.

Он тут же отогнал эту мысль.

Пока ещё было слишком рано.

Пока у него не было ни достаточной армии, ни причины идти на юг.

Но история уже начала складываться таким образом, что причина обязательно появится.

И ждать её оставалось недолго.

Весть о гибели Севера быстро распространилась по западным провинциям. В каждом городе её пересказывали по-своему, добавляя к известиям слухи и догадки. Одни говорили, что Максенций оказался гораздо сильнее, чем предполагали его противники, другие уверяли, что за ним стоит сам бывший император Максимиан, который снова решил вернуть себе власть. На границах же слухи приобретали ещё более тревожный характер: солдаты начинали гадать, кому теперь присягать и кто следующим получит пурпур.

Константин старался не показывать, насколько внимательно следит за происходящим. Он продолжал заниматься теми делами, которые полагались ему как правителю Галлии и Британии, лично проверял состояние войск, принимал представителей городов и разбирался с жалобами наместников. Однако каждый вечер ему доставляли свежие донесения из Италии и с Востока.

С каждым новым письмом положение становилось запутаннее.

Галерий не собирался признавать Максенция. Для него тот был узурпатором, нарушившим установленный порядок. Максенций, в свою очередь, утверждал, что защищает Рим от произвола восточного правителя и что его власть поддерживает сам город.

Между собой им уже было не договориться.

Весной 307 года Галерий двинул войска в Италию.

Это была огромная армия, хорошо обученная и привыкшая к тяжёлым походам. Казалось, что после поражения Севера Максенций не сможет долго сопротивляться. Но Рим оказался совсем не тем местом, где численное превосходство автоматически означало победу.

Максенций не вышел навстречу Галерию в открытое поле. Он укрепил города, перекрыл дороги и заставил противника тратить время и силы на осады. Галерий продвигался вперёд, но чем дальше уходил от своих баз, тем сложнее становилось снабжение.

Константин внимательно следил за этой войной.

Он понимал то, чего, возможно, не хотел замечать Галерий: в Риме начиналась борьба не просто между двумя претендентами. Это становилось борьбой между разными представлениями о том, каким должен быть император.

Галерий опирался на созданный Диоклетианом порядок. Для него важны были титул, назначение и подчинение установленной системе.

Максенций опирался на Рим, на гвардию, на собственное происхождение и на недовольство частью столичной знати.

А Константин оказался между ними.

Он формально оставался цезарем и признавал Галерия, но одновременно всё яснее понимал, что тот же Галерий никогда не позволит ему стать слишком сильным.

Константин не торопился выбирать сторону.

Ему было выгодно, чтобы его противники продолжали ослаблять друг друга.

Вскоре это стало очевидно и другим.

Однажды вечером, когда Константин сидел с несколькими военными советниками, один из них спросил:

— Почему вы не предлагаете помощь Галерию?

Константин посмотрел на него.

— А зачем?

— Потому что он законный август.

— Сегодня.

Советник промолчал.

Константин продолжил:

— Если завтра он станет сильнее всех остальных, кому понадобится я?

Никто не ответил.

В этом и заключалась главная опасность положения Константина. Он мог сколько угодно соблюдать правила и оставаться верным титулу, полученному от Галерия, но в политике Рима верность редко вознаграждалась надолго.

Слишком многое зависело от того, насколько ты полезен в данный момент.

А Константин постепенно становился слишком полезным, чтобы его оставить в покое.

Он контролировал значительную часть Запада. За ним стояли легионы. Его уважали солдаты. Он был сыном Кон-

станция Хлора, которого помнили ещё очень многие.

Кроме того, у него было то, чего не было у большинства соперников, — время.

Он не бросался в борьбу без необходимости.

Он наблюдал.

Ждал и учился.

А пока другие императоры тратили силы на войны, Константин укреплял свои позиции в Галлии.

Он понимал, что когда-нибудь ему придётся выступить.

Вопрос заключался только в том, против кого.

В Риме тем временем происходили события, о которых Константин пока не знал.

Максенций всё чаще вспоминал о своём отце.

Максимиан, когда-то добровольно отказавшийся от власти вместе с Диоклетианом, вновь оказался рядом с сыном. Старик обладал огромным опытом и прекрасно понимал, что власть Максенция держится на слишком шатком основании.

Ему было недостаточно видеть сына императором.

Он хотел вернуть себе собственное влияние.

Сначала Константин об этом ничего не знал.

Зато вскоре получил известие, которое заставило его впервые задуматься о Максимиане совсем иначе.

Бывший август предложил заключить с ним союз.

Предложение было неожиданным.

Константин прочитал письмо до конца, затем перечитал

его ещё раз и положил на стол.

Максимиан предлагал ему то, чего в Риме всегда не хватало молодым правителям, — родство и поддержку.

У него была дочь Фауста.

Если Константин станет её мужем, он окажется связан с семьёй Максимиана.

Для человека, который только недавно получил титул цезаря, такой союз был очень выгоден.

Но Константин прекрасно понимал и другое.

Максимиан не делал подарков.

Если старый император предлагает союз, значит, ему самому что-то нужно.

— Что скажешь? — спросил Константин у советника.

Тот долго изучал письмо.

— Если это ловушка, то очень хорошо приготовленная.

— А если нет?

— Тогда это возможность.

Константин снова взял письмо.

Он подумал о Галерии.

О Максенции.

О Риме.

О том, что ещё недавно все эти люди считались частью одной системы.

Теперь они постепенно превращались в противников.

Он улыбнулся.

— Значит, придётся встретиться с Максимианом.

Советник поднял глаза.

— Вы согласны?

— Я согласен встретиться. Это не одно и то же.

Так в жизни Константина появился ещё один человек, который впоследствии сыграет важную роль в его судьбе.

И вместе с ним появилась Фауста — женщина, которая станет его женой.

Пока никто из них не знал, насколько дорого некоторым из них обойдётся этот союз.

А сама империя продолжала двигаться к войне.

Галерий отступал из Италии.

Максенций укреплялся в Риме.

Константин становился всё сильнее на Западе.

И где-то далеко на Востоке люди Галерия уже начинали понимать, что прежней системы больше не существует.

Она ещё сохраняла старые названия.

Августы.

Цезари.

Императорские дворы.

Печати.

Титулы.

Но за этими словами постепенно скрывалась совсем другая реальность.

Рим снова входил в эпоху, когда судьбу империи определяло не то, что было написано в указах, а то, чьё главенство и командование примут легионы.

Встречу назначили в Трире.

Город давно стал для Константина одним из главных опорных пунктов на Западе. Здесь находились военные склады, размещались чиновники, приезжали послы из соседних земель, а вокруг высоких каменных стен постоянно кипела жизнь большого города, привыкшего к тому, что рядом находятся император и его армия.

В день приезда Максимиана Константин поднялся ещё до рассвета.

Он не любил торжественных церемоний, но прекрасно понимал, что сегодня ему придётся участвовать именно в такой. Бывший август, много лет управлявший западной частью империи, приезжал не просто как родственник Максенция и не как обычный союзник. Максимиан всё ещё оставался человеком, которого многие помнили императором, а некоторые legionеры служили под его командованием задолго до того, как Константин вообще получил право носить пурпур.

Старик обладал прошлым, которое нельзя было отменить никаким указом.

Константин стоял у ворот дворца вместе с несколькими офицерами, когда по улице показался небольшой конный отряд. Впереди ехал человек в пурпурном плаще, и даже издали было видно, что он привык держаться так, словно окружающий мир по-прежнему принадлежит ему.

Максимиан постарел.

Константин заметил это сразу.

Седина полностью покрыла его голову, лицо стало тяжелее, а вокруг глаз появились глубокие морщины. Однако старость не лишила его главного — уверенности. Максимиан держался прямо, не опирался на сопровождавших его людей и смотрел по сторонам так, будто не приехал в чужой город, а вернулся туда, где его давно ждали.

Когда он остановился перед Константином, несколько мгновений оба молчали.

— Значит, это ты, — наконец сказал Максимиан.

Константин слегка наклонил голову.

— А вы ожидали увидеть кого-то другого?

Старик внимательно посмотрел на него.

— Мне говорили, что ты похож на отца.

— Люди любят находить сходство.

— Иногда люди замечают больше, чем думают.

Константин усмехнулся.

— Тогда надеюсь, они заметили только хорошее.

Максимиан впервые улыбнулся.

— Хорошее редко помогает человеку удержать власть.

Эти слова прозвучали почти спокойно, однако Константин сразу понял, что перед ним не старик, приехавший искать покоя. Максимиан мог сколько угодно говорить о союзе, семье и будущем империи, но его мысли по-прежнему вращались вокруг власти.

Они вошли во дворец.

Разговор продолжился уже за закрытыми дверями. Константин специально распорядился, чтобы рядом находились только самые необходимые люди. Он не хотел, чтобы каждое слово старого императора через несколько часов стало известно половине города.

Максимиан сел напротив него и некоторое время молчал, рассматривая помещение.

— Хорошее место, — наконец произнёс он. — Здесь легко забыть, что Рим далеко.

— Я и не собираюсь о нём забывать.

— Это правильно.

Максимиан поднял взгляд.

— Потому что все остальные уже начали думать только о нём.

Константин налил вина в две чаши и поставил одну перед гостем.

— Вы приехали поговорить о Риме?

— А разве сейчас можно говорить о чём-нибудь другом?

Константин ничего не ответил.

Максимиан взял чашу, но пить не стал.

— Галерий считает, что всё ещё управляет империей. Максенций уверен, что Рим принадлежит ему. На Востоке свои люди ждут удобного момента, чтобы объявить себя правителями. А ты сидишь здесь и делаешь вид, будто тебя всё это не касается.

— А вы считаете, что я делаю вид?

Старик усмехнулся.

— Нет. Именно поэтому я и приехал.

Он наклонился вперёд.

— Ты умеешь ждать. Это редкое качество для молодого человека.

— Иногда ждать приходится не потому, что ты этого хочешь.

— Власть всегда заставляет ждать. Вопрос только в том, понимает ли человек, чего он ждёт.

Константин внимательно посмотрел на него.

— И чего же, по-вашему, жду я?

Максимиан улыбнулся.

— Возможности.

Ответ был слишком прямым, чтобы Константин сразу отреагировал.

Он уже понял, что старик приехал не проверять его характер и не просто предлагать родство. Максимиан изучал его. Смотрел, насколько далеко готов зайти сын Констанция Хлора.

— А если возможности не будет? — спросил Константин.

— Тогда её создают.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Константин впервые почувствовал, насколько опасным может быть этот человек. Максимиан говорил спокойно, почти дружелюбно, но за его словами стоял опыт человека, который десятилетиями жил в мире заговоров, войн и борьбы

за власть.

Он хорошо знал цену пурпуру.

И, судя по всему, всё ещё хотел снова почувствовать его тяжесть на собственных плечах.

— Вы предлагаете мне союз, — наконец сказал Константин.

— Да.

— И свою дочь.

— Да.

— А взамен?

Максимиан поставил чашу на стол.

— Взамен я предлагаю тебе будущее.

Константин рассмеялся.

— Вот теперь я начинаю понимать, почему вас так долго боялись.

Максимиан улыбнулся, но ничего не ответил.

Константин поднялся и подошёл к окну. За стенами дворца постепенно темнело. Внизу шумел город, и издалека доносились звуки лагеря.

Он думал о предложении.

Союз с Максимианом давал ему многое. Прежде всего — связь с человеком, который долгие годы носил титул августа. Кроме того, брак с Фаустой позволял укрепить его положение среди тех, кто по-прежнему уважал старую императорскую семью.

Но вместе с этим в его жизнь входил Максимиан.

А Константин уже понимал, что старик никогда не станет тихим родственником, довольным воспоминаниями о прошлом.

Он повернулся.

— Я хочу увидеть вашу дочь.

Максимиан поднял брови.

— Вот как?

— Вы предлагаете мне жениться на ней. Было бы странно согласиться, даже не познакомившись.

Старик рассмеялся.

На этот раз совершенно искренне.

— Константин, — сказал он, — ты мне нравишься всё больше.

Константин ничего не ответил.

Он уже думал совсем о другом.

О Галерии.

О Максении.

О будущем союзе.

И о том, что впервые за всё время после смерти отца он сделал шаг, который никто не мог приказать ему сделать.

Этот шаг был его собственным.

И, возможно, именно поэтому он оказался гораздо опаснее, чем могло показаться в тот вечер.

Глава 3

Союз

Весна в Трире пришла поздно. Ещё совсем недавно над городом висело низкое серое небо, с реки тянуло холодом, а по утрам мостовые покрывались тонкой ледяной коркой. Но теперь солнце всё чаще пробивалось сквозь облака, на деревьях появилась первая зелень, и город постепенно оживал после долгой зимы.

Константин любил это время года.

В природе всё менялось медленно, почти незаметно. Ещё вчера земля казалась мёртвой, а сегодня на ветках уже появлялись молодые листья. Никто не мог назвать точный день, когда заканчивается зима и начинается весна, однако однажды человек просто замечал, что мир вокруг стал другим.

С Римской империей происходило примерно то же самое.

Старый порядок ещё существовал. В официальных документах по-прежнему упоминались августы и цезари, наместники отправляли отчёты своим правителям, чиновники собирали налоги, а легионы продолжали охранять границы. Если смотреть на империю издалека, могло показаться, что ничего особенного не происходит.

Но стоило присмотреться внимательнее, и становилось ясно: прежняя система уже не работает.

Константин понимал это лучше многих.

Каждое утро ему приносили донесения из Италии, Африки, Испании и восточных провинций. Он читал письма медленно, иногда возвращался к отдельным строкам и задавал вопросы людям, которые доставляли новости.

Его интересовали не только армии и решения правителей.

Иногда гораздо больше мог сказать один короткий слух.

Например, о том, что в каком-то городе начали запасать зерно.

Или о том, что богатый сенатор внезапно перевёз семью из Рима в своё поместье.

Или о том, что местный военачальник неожиданно стал слишком часто разговаривать с посланниками другого императора.

Люди редко меняют привычную жизнь без причины.

Константин постепенно учился замечать такие изменения.

В этот день он получил сразу два письма.

Первое было от наместника одной из галльских провинций и касалось обычных дел: ремонта дорог, поставок продовольствия и жалоб городских властей на слишком высокие требования армии.

Второе письмо принесли без печати.

Константин сразу понял, что оно важнее.

Он развернул свиток и прочитал несколько строк.

Лицо его изменилось.

— Что случилось? — спросил стоявший рядом советник.

Константин молча протянул ему письмо.

Тот прочитал его и нахмурился.

— Максимиан?

— Максенций.

— Он что-то сделал?

— Пока нет. Но, судя по всему, он больше не доверяет собственному отцу.

Советник поднял глаза.

— А Максимиан доверяет сыну?

Константин усмехнулся.

— Вот это уже интересный вопрос.

Отношения между Максенцием и Максимианом постепенно становились всё хуже. Сначала возвращение старого августа казалось сыну огромной удачей. Имя Максимиана придавало его власти вес, особенно среди старых солдат и чиновников, ещё помнивших времена совместного правления Диоклетиана и Максимиана.

Но очень скоро Максенций понял, что его отец вовсе не собирается довольствоваться ролью советника.

Максимиан слишком долго носил пурпур, чтобы теперь спокойно наблюдать, как другие распоряжаются властью.

Он вмешивался в решения сына, разговаривал с военачальниками, принимал послов и всё чаще напоминал окружающим, что когда-то именно он управлял Западной империей.

Для Максенция это становилось опасным.

Два императора не могут долго править одной и той же частью государства, если каждый из них считает себя главным.

Константин понимал это очень хорошо.

Именно поэтому предложение Максимиана о союзе приобрело теперь совсем другой смысл.

Старый август искал опору.

И Константин вполне мог стать этой опорой.

Однако прежде чем принимать окончательное решение, он хотел понять, насколько далеко готов зайти человек, который приехал в Трир.

Вечером Константин пригласил Максимиана на ужин.

На этот раз за столом не было многочисленной свиты. Только несколько ближайших людей, которым оба доверяли настолько, насколько вообще можно было доверять при императорском дворе.

Разговор начался спокойно.

Говорили о дорогах, о германских племенах, о положении в Италии. Максимиан рассказывал о старых походах и несколько раз вспоминал Диоклетиана.

Каждый раз, произнося имя бывшего соправителя, он менялся в лице.

Константин заметил это.

— Вы часто вспоминаете Диоклетиана, — сказал он.

Максимиан посмотрел на него.

— Я слишком долго жил рядом с ним, чтобы забыть.

— Вы были друзьями?

Старик усмехнулся.

— У императоров редко бывают друзья.

Он сделал глоток вина и некоторое время молчал.

— Мы были нужны друг другу. Иногда это бывает прочнее дружбы.

Константин кивнул.

Он прекрасно понимал, что имеет в виду Максимиан.

— А сейчас? — спросил он. — Вы всё ещё считаете, что система, созданная вами и Диоклетианом, может существовать?

Максимиан долго смотрел на огонь.

— Система была хорошей.

— Но?

— Мы ошиблись в людях.

Константин поднял брови.

— В людях?

— Мы думали, что человек способен отказаться от власти, если ему предложить достойное место. Что он согласится ждать, пока придёт его время. Что назначенный преемник будет считать себя обязанным тому, кто дал ему титул.

Максимиан медленно покачал головой.

— Это была ошибка.

Константин внимательно слушал.

Старый император говорил спокойно, без сожаления, словно рассуждал о чужих делах. Однако Константин чув-

ствовал, что за этими словами скрывается нечто большее.

Максимиан прожил достаточно долго, чтобы понять простую вещь: власть меняет человека.

И человек, однажды получивший её, редко хочет отдавать добровольно.

— Значит, Диоклетиан ошибся? — спросил Константин.

— Диоклетиан был умнее большинства людей, которых я встречал. Но даже он не смог изменить человеческую природу.

— А вы сами? Вы смогли отказаться от власти?

Максимиан посмотрел на него.

Несколько мгновений никто не произнёс ни слова.

Константин уже подумал, что зашёл слишком далеко, но старик неожиданно улыбнулся.

— Нет.

Ответ прозвучал так спокойно, что несколько человек за столом невольно переглянулись.

— По крайней мере, честно, — заметил Константин.

— Ты ещё молод. Когда-нибудь поймёшь.

— Что именно?

— Что самое трудное — не получить власть. Самое трудное — однажды согласиться с тем, что она больше не принадлежит тебе.

Эти слова Константин запомнил.

В тот вечер он впервые почувствовал к Максимиану не просто осторожность.

Старый император был опасен.

Но он был опасен именно потому, что не обманывал себя.

Он знал свои слабости и не пытался представить их достоинствами.

После ужина Максимиан задержался.

Они остались вдвоём.

— Ты так и не сказал, что решил, — произнёс старик.

— О чём?

— О браке.

Константин улыбнулся.

— Вы приехали сюда ради этого?

— Нет. Но это важно.

— Для кого?

Максимиан внимательно посмотрел на него.

— Для нас обоих.

Константин подошёл к окну.

Город уже погрузился в темноту. Вдалеке горели огни, по улицам двигались редкие люди, а с реки снова тянуло холодом.

Он подумал о Фаусте.

До сих пор он почти ничего о ней не знал.

Дочь бывшего императора.

Сестра Максенция.

Женщина, которой с самого рождения было суждено стать частью чьей-то политики.

Константин прекрасно понимал, что подобные браки ред-

ко заключаются из-за чувств.

Однако ему хотелось хотя бы увидеть человека, с которым ему предлагали связать свою жизнь.

— Когда она приедет? — спросил он.

Максимиан усмехнулся.

— Уже приехала.

Константин повернулся.

— Где?

— В этом городе.

— И вы решили не сказать мне?

— Хотел сначала убедиться, что ты не согласишься, даже не задав этого вопроса.

Константин покачал головой.

— Вы очень странный человек, Максимиан.

— Я был императором. Это почти одно и то же.

Константин рассмеялся.

Впервые за весь вечер разговор перестал быть похож на переговоры двух людей, каждый из которых постоянно думает о том, что скрывает другой.

— Хорошо, — сказал Константин. — Я хочу с ней встретиться.

Максимиан поднялся.

— Завтра.

Он направился к двери, но на пороге остановился.

— Только не забывай, Константин. Сейчас ты выбираешь не только жену.

— Я знаю.

— Нет. Пока ещё не знаешь.

После этих слов Максимиан вышел.

Константин остался один.

Он снова подошёл к окну и долго смотрел на ночной Трир.

Ему не нравилось, когда другие люди считали, что могут предсказать его будущее. Галерий когда-то думал, что Константин останется при его дворе столько, сколько понадобится самому Галерию. Система Диоклетиана предполагала, что сын императора не сможет претендовать на место отца без разрешения старших правителей.

Теперь Максимиан предлагал ему союз и уже видел в нём часть какого-то собственного плана.

Все они ошибались в одном.

Константин уже давно перестал быть человеком, за которого решают другие.

И завтра ему предстояло встретиться с Фаустой.

Он ещё не знал, что эта встреча станет началом союза, который принесёт ему не только поддержку и власть, но и одну из самых тяжёлых семейных историй его жизни.

На следующее утро Константин долго не мог решить, как именно должна пройти встреча.

Это обстоятельство раздражало его больше, чем он был готов признать даже самому себе. За последние месяцы ему приходилось принимать решения, от которых зависела судьба городов и военных гарнизонов. Он без особых колебаний

отправлял войска в поход, менял наместников, принимал послов и выслушивал предложения людей, которые ещё недавно могли считать себя равными ему.

Однако встреча с дочерью Максимиана почему-то казалась значительно более сложным делом.

Вероятно, потому, что здесь невозможно было спрятаться за титулом.

С Фаустой ему предстояло говорить не как цезарю с представителем другой провинции и не как полководцу с подчинённым. Ему предлагали жениться на женщине, которую он никогда прежде не видел, и при этом оба прекрасно понимали, что решение, скорее всего, уже было принято их семьями задолго до первой встречи.

Константин несколько раз хотел отменить утренние дела и заняться чем-нибудь более привычным, но потом только усмехнулся собственной мысли.

От германцев он не бегал.

От армии Галерия тоже.

Не хватало ещё начать избегать женщины.

Встречу назначили в одном из внутренних садов дворца. Весна только начиналась, и сад ещё не успел приобрести тот густой зелёный вид, который появлялся летом. Между каменными дорожками росли молодые деревья, в небольшом бассейне тихо журчала вода, а на клумбах уже появились первые цветы.

Константин пришёл раньше.

Он специально выбрал простую одежду, без тяжёлого церемониального плаща и лишних знаков власти. Конечно, скрыть своё положение он не мог, да и не собирался. Но ему не хотелось, чтобы эта встреча сразу превратилась в очередной приём.

Фаусту он увидел раньше, чем его предупредили о её появлении.

Она шла по дорожке вместе с пожилой женщиной, которая, вероятно, сопровождала её в поездке. Девушка остановилась, заметив Константина, и несколько мгновений они просто смотрели друг на друга.

Константин сразу понял, что рассказ Максимиана о дочери был необычно сдержанным.

Он ожидал увидеть испуганную девушку, которую отец привёз в чужой город, чтобы выгодно выдать замуж. Вместо этого перед ним стояла женщина, прекрасно понимающая, где находится и зачем сюда приехала.

Фауста первой нарушила молчание.

— Значит, вы всё-таки решили встретиться со мной.

Константин усмехнулся.

— Мне показалось, что это будет невежливо — согласиться на брак, не познакомившись с будущей женой.

Она внимательно посмотрела на него.

— Некоторые мужчины поступают именно так.

— Значит, я решил не быть похожим на некоторых мужчин.

Фауста слегка улыбнулась.

Они пошли по дорожке медленно, не торопясь. Женщина, сопровождавшая её, осталась на некотором расстоянии, однако Константин не сомневался, что она слышит каждое слово, сказанное достаточно громко.

Несколько минут они говорили о дороге и Трире. Разговор был обычным, почти ничего не значащим, но Константин понимал, что оба используют эти простые темы только для того, чтобы привыкнуть друг к другу.

Наконец Фауста остановилась возле бассейна.

— Мой отец рассказал вам о своём предложении?

— Да.

— И что он сказал обо мне?

Константин задумался.

— Что у него есть дочь.

Фауста рассмеялась.

— Очень похоже на него.

— А что он говорил обо мне?

— Что вы умнее, чем кажется.

Константин повернулся к ней.

— Не слишком приятная характеристика.

— Почему?

— Значит, я кажусь глупее, чем есть.

— Или он считает, что вы специально позволяете людям так думать.

Константин несколько секунд смотрел на неё.

Фауста снова улыбнулась.

— Вы ведь именно этим сейчас занимаетесь?

— Чем?

— Решаете, насколько опасно говорить со мной откровенно.

Он рассмеялся.

Теперь уже совершенно искренне.

— Возможно, ваш отец действительно прав.

— В чём?

— В том, что вы не похожи на человека, с которым можно разговаривать только о погоде.

Фауста посмотрела на воду.

Её лицо на мгновение стало серьёзным.

— А зачем нам говорить о погоде, Константин? Мы оба знаем, почему встретились.

Он не ожидал такой прямоты.

— Хорошо. Тогда скажите сами.

Она медленно провела пальцами по каменному краю бассейна.

— Мой отец хочет заключить с вами союз. Вы хотите укрепить своё положение на Западе. А я должна стать частью этого союза.

— Вы говорите так, будто уже согласились.

— А разве у меня есть выбор?

Константин не сразу ответил.

Он понимал, что может сказать привычные слова о том,

что никто не станет принуждать её к браку. Это звучало бы красиво, но оба знали цену подобным обещаниям.

Фауста была дочерью бывшего августа.

Она жила в мире, где браки заключались ради власти, земли, армии и союзов.

Её желание могло иметь значение.

Но не всегда решающее.

— У вас должен быть выбор, — наконец сказал Константин.

Она подняла на него глаза.

— Вы действительно так думаете?

— Да.

— Тогда я спрошу вас прямо. Если я скажу, что не хочу выходить за вас замуж, вы откажетесь от союза с моим отцом?

Константин почувствовал, что она внимательно наблюдает за его реакцией.

Он мог ответить сразу.

Но не стал.

— Я не знаю, — честно сказал он.

Фауста удивлённо подняла брови.

— Честно.

— Я предпочитаю не обещать того, чего не смогу выполнить.

Некоторое время они молчали.

Затем Фауста кивнула.

— Это тоже неплохо.

— Обычно люди не считают такие ответы хорошими.

— Обычно люди лгут лучше.

Константин снова улыбнулся.

Теперь ему действительно стало интересно разговаривать с этой женщиной.

Он начал понимать, почему Максимиан так спокойно говорил о дочери. Возможно, старик знал, что Фауста сумеет сама произвести впечатление, не нуждаясь в рассказах отца.

Они продолжили прогулку.

Константин рассказал ей о Британии, о холодных ветрах, о северных дорогах и о том, как сильно отличаются между собой провинции огромной империи. Фауста слушала внимательно, иногда задавая вопросы, которые показывали, что она не просто поддерживает разговор.

Когда они снова подошли к дворцу, она неожиданно спросила:

— Вы хотите стать августом?

Константин остановился.

— Почему вы спрашиваете?

— Потому что мой отец считает, что хотите.

— А вы?

Фауста задумалась.

— Я думаю, что вы хотите гораздо большего.

Константин посмотрел на неё.

На этот раз он не улыбнулся.

— И чего же?

Она пожала плечами.

— Пока не знаю. Но мне кажется, вы тоже ещё не решили.

Он медленно кивнул.

В этом она могла оказаться права.

Константин действительно ещё не представлял, куда приведёт его путь. Он хотел власти, как хотел её любой человек, выросший рядом с императорским двором. Но сейчас его больше интересовало другое: сохранить то, что уже получил, укрепиться и не позволить другим решить его судьбу.

Стать августом было естественным следующим шагом.

Но что будет дальше?

Этого он пока не знал.

Фауста посмотрела на дворец, где её уже ждали.

— Мой отец будет ждать вашего ответа.

— Он получит его.

— Скоро?

Константин улыбнулся.

— Вы уже начинаете говорить как Максимиан.

Она рассмеялась.

— А вы начинаете уходить от ответа.

Константин проводил её взглядом.

Когда Фауста скрылась за дверью, он ещё некоторое время стоял в саду.

Он приехал на эту встречу, ожидая увидеть будущую жену, которую предложили ему как часть политического союза.

Уходил он с гораздо более сложным ощущением.

Фауста оказалась человеком, мнение которого ему хотелось узнать.

И это меняло многое.

Не в политике.

Пока ещё нет.

Но Константин впервые задумался о том, что союз, предложенный Максимианом, может оказаться для него совсем не таким простым, каким казался вначале.

Вечером Константин снова встретился с Максимианом.

На этот раз старый император не стал приглашать его в зал для переговоров и не потребовал присутствия советников. Они встретились в небольшой комнате дворца, где горел камин и стоял стол с несколькими чашами вина. Максимиан сидел в кресле и выглядел так, словно весь день занимался исключительно отдыхом.

Константин слишком хорошо успел его узнать, чтобы поверить в это.

— Ну? — спросил Максимиан, едва он вошёл.

Константин остановился у стола.

— Вы всегда так начинаете разговор?

— Когда мне уже известны все ненужные вопросы, да.

Константин налил себе вина.

— Вы уверены, что знаете, о чём я думаю?

— Нет. Но я знаю, о чём думала Фауста.

Константин посмотрел на него.

— Она вам рассказала?

— Нет.

Максимиан улыбнулся.

— Но я её отец.

— Это ещё ничего не значит.

— Иногда значит больше, чем хотелось бы детям.

Константин сел напротив него.

Несколько мгновений они молчали. Максимиан не торопил его, хотя было видно, что именно этого ответа он ждал с самого приезда в Трир.

— Ваша дочь мне понравилась, — наконец сказал Константин.

— Это уже хорошо.

— Но я ещё не сказал, что женюсь на ней.

— И всё-таки сказал больше, чем думаешь.

Константин покачал головой.

— Вы действительно не умеете ждать.

Максимиан взял чашу.

— Умею. Просто слишком хорошо знаю цену времени.

Он сделал небольшой глоток и поставил чашу обратно.

— Когда ты станешь старше, Константин, ты поймёшь одну простую вещь. Молодому человеку кажется, что перед ним бесконечно длинная дорога. Он уверен, что может принять решение завтра, через месяц или через год. Ему кажется, что возможность будет ждать его столько, сколько потребуется.

— А она не ждёт?

— Нет.

Максимиан посмотрел на него уже без улыбки.

— Власть особенно нетерпелива. Сегодня она лежит у твоих ног, а завтра ты обнаруживаешь, что её поднял кто-то другой.

Константин задумался.

Он не любил, когда ему давали советы подобным тоном. Однако в словах старика была правда. За последние месяцы он видел, как быстро меняется всё вокруг. Ещё недавно Север был августом Запада. Теперь его не было в живых. Максений, которого многие считали случайной фигурой, удерживал Рим. Галерий, казавшийся самым сильным человеком империи, был вынужден отступить из Италии.

Ни один титул не давал человеку гарантии.

— Вы хотите, чтобы я согласился на союз прямо сейчас?
— спросил Константин.

— Я хочу, чтобы ты понял: отказаться от него можно.

Константин удивлённо посмотрел на него.

— Вот как?

— Да.

— И что будет, если я откажусь?

Максимиан усмехнулся.

— Ничего хорошего для моей гордости. Но я переживу.

— А для вас?

Старик некоторое время молчал.

— Для меня это будет означать, что придётся искать другой путь.

Именно эти слова окончательно убедили Константина в том, что Максимиан говорил не обо всём.

Старый август нуждался в нём.

Насколько сильно — пока оставалось неизвестным.

Константин медленно поставил чашу на стол.

— Хорошо.

Максимиан поднял глаза.

— Хорошо — что?

— Я согласен.

Несколько секунд старик молчал.

Константин ожидал увидеть удовлетворение, возможно, торжество. Однако Максимиан только глубоко вздохнул, словно решение, которого он так добивался, одновременно принесло ему и облегчение, и новые заботы.

— Значит, мы родственники, — сказал он.

— Пока ещё нет.

— Римляне любят формальности.

— Иногда формальности спасают жизнь.

Максимиан рассмеялся.

— Вот теперь я начинаю понимать, почему ты так долго прожил при дворе Галерия.

Константин поднялся.

— Я прожил там так долго именно потому, что не считал себя бессмертным.

— Это разумно.

— И ещё потому, что предпочитаю знать, с кем заключаю союз.

Максимиан перестал улыбаться.

— Ты думаешь, я опасен?

Константин не стал отвечать сразу.

— Я думаю, вы слишком долго были императором, чтобы перестать быть опасным.

Старик внимательно посмотрел на него.

А потом неожиданно кивнул.

— Хороший ответ.

Константин направился к двери.

Он уже собирался выйти, когда Максимиан произнёс:

— Константин.

Тот обернулся.

— Помни одну вещь. После свадьбы Максенций станет твоим родственником.

— Я знаю.

— И мой сын не любит делить власть.

Константин некоторое время смотрел на него.

— А вы?

Максимиан медленно улыбнулся.

— Вот поэтому тебе и стоит быть осторожным.

Через несколько дней по дворцу начали ходить слухи о предстоящей свадьбе.

Слуги узнавали новости раньше официальных посланни-

ков. Один услышал разговор чиновника, другой заметил, что в город приехали люди, отвечающие за приготовление к церемониям, третий увидел, как в одной из мастерских начали срочно готовить украшения.

К концу недели весь Трир уже знал, что Константин собирается жениться на Фаусте.

Сама Фауста встретила эту новость спокойнее, чем ожидал Константин.

Они снова встретились в саду, где познакомились несколько дней назад.

— Значит, всё решено? — спросила она.

— Формально ещё нет.

— А неформально?

Константин улыбнулся.

— Вы действительно любите задавать вопросы, на которые уже знаете ответ?

— Только когда хочу услышать, как человек будет выкручиваться.

— И как я справляюсь?

— Пока неплохо.

Он некоторое время молчал, затем сказал:

— Да. Я согласился.

Фауста посмотрела на него внимательно.

— Из-за меня?

— Если бы я сказал «да», вы бы поверили?

Она улыбнулась.

— Нет.

— Тогда не буду начинать семейную жизнь с бесполезной лжи.

На этот раз рассмеялась уже она.

Однако через мгновение стала серьёзной.

— А всё-таки?

Константин посмотрел на неё.

Он мог сказать о политике, о необходимости союза, о поддержке Максимиана. Всё это было правдой. Но за последние дни он действительно несколько раз ловил себя на мысли, что вспоминает их разговор.

— Потому что мне кажется, что мы сможем хотя бы разговаривать друг с другом честно, — сказал он.

Фауста некоторое время ничего не отвечала.

— Это не самая романтическая причина для брака.

— В Риме сейчас вообще мало романтики.

— Это я уже заметила.

Они снова пошли по дорожке.

В этот момент Константин ещё не знал, сколько раз ему придётся пожалеть о собственной уверенности в людях. Он не мог предвидеть будущих измен, смертей и решений, которые спустя годы будут преследовать его даже тогда, когда власть окажется в его руках.

Сейчас всё казалось значительно проще.

Перед ним стоял союз.

Он давал ему сильных родственников, новое положение

среди западных правителей и возможность перестать быть человеком, который только наблюдает за борьбой других.

Но вместе с этим союзом Константин делал ещё один шаг в самый центр будущей войны.

Максенций теперь становился его родственником.

Максимиан — тестем.

Фауста — женой.

И каждый из них однажды потребует от него сделать выбор.

В тот вечер, возвращаясь во дворец, Константин остановился у стены, откуда открывался вид на город.

Внизу уже зажигались огни. По дорогам двигались повозки, издалека доносились голоса, а за рекой постепенно темнели леса.

Империя продолжала жить.

Где-то собирали налоги.

Где-то солдаты стояли на границе.

В Риме сенаторы обсуждали Максенция.

На Востоке Галерий наверняка готовил новые решения.

А здесь, в Трире, один молодой цезарь только что сделал выбор, который казался всего лишь выгодным политическим союзом.

Константин ещё не знал, что очень скоро ему придётся выбирать снова.

Только следующий выбор будет касаться уже не брака и не союзников.

Ему придётся решить, кому он готов доверить свою жизнь, свою власть и будущее всей западной части империи.

А пока над Триром опускалась спокойная весенняя ночь.

И ничто не предвещало, что эта спокойствие продлится совсем недолго.

Глава 4

Тень Востока

Свадьба Константина и Фаусты состоялась без той чрезмерной пышности, которую многие ожидали увидеть от союза двух императорских семей. Однако даже сравнительно скромная церемония привлекла в Трир множество людей. Приехали представители городов, военные командиры, чиновники и послы. Каждый понимал, что этот брак означает гораздо больше, чем соединение двух молодых людей.

Теперь Константин был связан с семьёй Максимиана.

А значит, и с Максенцием.

И хотя официально никто не говорил о новом политическом союзе, именно так его воспринимали почти все, кто присутствовал на церемонии.

Константин заметил это ещё до начала праздника.

Один из прибывших послов слишком долго разговаривал с его советником. Другой внимательно следил за тем, кто и где сидит за столом. Несколько военных командиров, прежде относившихся к нему с обычным уважением, теперь смотрели иначе.

Они оценивали.

Пытались понять, стал ли Константин сильнее.

И насколько.

Это не раздражало его.

Он уже привык к тому, что человек, получивший власть, перестаёт принадлежать самому себе. Любое его слово могли пересказать, любой жест — истолковать, любое выражение лица — превратить в предмет разговоров.

Но теперь ситуация была иной.

Раньше Константин был сыном Констанция Хлора и цезарем, признанным Галерием.

Теперь за его спиной стоял ещё и Максимиан.

Это означало, что на него начали смотреть как на самостоятельную силу.

И именно в этот момент с Востока пришло письмо.

Посланник прибыл поздно вечером.

Константин только вернулся с праздничного ужина, когда начальник охраны сообщил, что человек требует немедленной встречи и утверждает, будто письмо предназначено лично ему.

— От кого? — спросил Константин.

— Он говорит, что от восточного августа.

Константин несколько секунд молчал.

— Галерий?

— Он не назвал имени.

— Конечно.

Константин усмехнулся.

— Если человек приезжает ночью и не называет имени своего господина, значит, письмо будет интересным.

Он приказал провести посланника.

Тот оказался человеком средних лет, худощавым, с усталым лицом путешественника. Пыль на его одежде показывала, что он действительно почти не останавливался в дороге.

Он поклонился и протянул небольшой свиток.

Печать Константин узнал сразу.

Галерий.

Константин взял письмо и жестом показал всем остальным выйти.

В комнате остались только он и его ближайший советник. Свиток оказался коротким.

Галерий поздравлял Константина с браком.

Это уже само по себе показалось ему странным.

В письме не было угроз. Не было требований. Не было даже привычных напоминаний о долге перед империей.

Галерий писал спокойно и почти дружелюбно.

Он сообщал, что внимательно следит за положением на Западе и рассчитывает на то, что Константин сохранит верность установленному порядку. Особенно его интересовало влияние Максимиана.

Константин перечитал последние строки ещё раз.

— Ну? — спросил советник.

Константин положил письмо на стол.

— Галерий беспокоится.

— О вас?

— О Максимиане.

— Разве это не одно и то же?

Константин посмотрел на него.

— Вот это я и пытаюсь понять.

Он снова взял письмо.

Галерий не писал прямо, что Константин должен отдалиться от нового тестя. Он не требовал объяснений и не запрещал союз. Но за каждой спокойной фразой чувствовалось недоверие.

Галерий понимал, что Максимиан снова появился в большой политике.

А Константин теперь оказался рядом с ним.

Для восточного августа это было плохой новостью.

— Что вы ответите? — спросил советник.

Константин прошёлся по комнате.

— Поблагодарю за поздравления.

— И всё?

— А что ещё он хочет услышать?

— Что вы верны ему.

— Я цезарь. Формально я и так ему подчиняюсь.

Советник усмехнулся.

— Вы очень хорошо научились говорить правду так, чтобы каждый услышал в ней своё.

Константин остановился.

— Это называется осторожностью.

— Иногда это называется политикой.

Несколько секунд они молчали.

Затем Константин подошёл к столу.

— Приготовь ответ.

— Какой?

— Самый спокойный.

— Это может не понравиться Галерию.

— Именно поэтому он его и получит.

Через два дня Максимиан сам заговорил с ним о письме.

Они встретились утром, ещё до начала заседания с военными советниками. Старик выглядел раздражённым и даже не пытался скрывать этого.

— Галерий написал тебе, — сказал он вместо приветствия.

Константин поднял глаза от документов.

— У вас прекрасная служба осведомления.

— У меня прекрасный опыт.

— Это одно и то же?

— Нет. Опыт ценнее.

Константин отложил письмо, которое читал.

— Вы хотите узнать, что он написал?

— Нет. Я хочу узнать, что ответишь ты.

Константин внимательно посмотрел на него.

— Почему вас это так волнует?

Максимиан сел напротив.

— Потому что Галерий никогда ничего не делает просто так. Если он решил напомнить о себе именно сейчас, значит, кто-то уже сказал ему о нашем союзе.

— Об этом знает половина империи.

— Вот именно.

Константин задумался.

— Вы считаете, он готовится к действиям?

— Я считаю, что Галерий боится.

Константин усмехнулся.

— Галерий? Боится?

— Боится не нас. Он боится потерять контроль.

Максимиан наклонился вперёд.

— В этом разница. Человек может не бояться врага, если уверен, что способен его победить. Но он всегда боится наступления момента, когда поймёт, что больше не управляет событиями.

Эти слова заставили Константина задуматься.

Возможно, Максимиан был прав.

Система, которую когда-то создал Диоклетиан, теперь разрушалась прямо на глазах.

Максенций контролировал Рим.

Константин укреплялся в Галлии.

Максимиан снова вернулся в политику.

Галерий по-прежнему оставался сильным правителем, но уже не мог одним приказом решить судьбу Запада.

И это означало, что наступало время, когда каждый император начнёт искать себе союзников.

Константин посмотрел на Максимиана.

— А вы? Вы чего хотите?

Старик улыбнулся.

— Наконец-то ты задал правильный вопрос.

Константин не ответил.

Максимиан встал и подошёл к окну.

— Я хочу, чтобы Запад перестал ждать приказов с Востока.

Он произнёс это спокойно.

Однако Константин сразу понял, насколько опасны эти слова.

— Это уже почти призыв к войне.

— Нет.

Максимиан обернулся.

— Это призыв к самостоятельности. Война начинается тогда, когда кто-то другой решает, что самостоятельность опасна.

Константин посмотрел на него и впервые почувствовал, что события начинают двигаться быстрее, чем он рассчитывал.

До сих пор ему удавалось ждать.

Наблюдать за борьбой Максенция и Галерия.

Укреплять свои земли.

Создавать армию.

Заклучить выгодный союз.

Но теперь Восток сам обратил на него внимание.

И это означало, что прежнее спокойствие постепенно заканчивается.

В тот же вечер Константин вышел на крепостную стену.

Перед ним лежал город. За стенами Трира начиналась огромная империя, которую уже невозможно было удержать прежними приказами.

Он думал о Галерии.

О Максимиане.

О Максенции.

О Фаусте.

Каждый из них по-своему тянул его в будущее.

Но впервые Константин почувствовал, что должен решить нечто важное самостоятельно.

Не как сын Констанция.

Не как зять Максимиана.

Не как цезарь, назначенный Галерием.

А как человек, которому рано или поздно придётся самому определить, какой будет его власть.

И с этого момента его путь начал расходиться с дорогой, которую для него когда-то придумали другие.

Через несколько дней после разговора с Максимианом Константин получил просьбу, которая на первый взгляд показалась ему слишком незначительной, чтобы заниматься ею лично.

В Трире произошёл спор между двумя общинами. Сам по себе подобный случай не был чем-то необычным. В большом городе, где жили выходцы из разных частей империи, постоянно возникали разногласия. Спорили торговцы, судились землевладельцы, жаловались на чиновников, ссорились

между собой соседи. Иногда причиной становились деньги, иногда — земля, иногда — просто старая неприязнь.

Но на этот раз дело оказалось сложнее.

Ссора началась возле одного из старых святилищ. Группа молодых людей, принадлежавших к христианской общине, попыталась сорвать праздник, который устраивали жители города. Они не ограничились проповедями и призывами. Кто-то начал выкрикивать оскорбления, затем появились ответные крики, а вскоре в толпе началась драка.

Несколько человек получили серьёзные ранения.

Один из городских стражников попытался разнять дерущихся, но получил удар камнем и потерял сознание.

После этого пришлось вмешаться солдатам.

Константину доложили о случившемся на следующий день.

— Кто начал? — спросил он.

Чиновник, стоявший перед ним, заметно замялся.

— Это трудно установить, господин.

— Почему?

— Каждая сторона утверждает, что виновата другая.

— А свидетели?

— Свидетели принадлежат к разным сторонам.

Константин посмотрел на него.

— Как удобно.

Чиновник опустил глаза.

— Что требуют христиане?

— Они утверждают, что их людей спровоцировали. Кроме того, они жалуются, что городские власти недостаточно защищают их от оскорблений.

— А другая сторона?

— Они требуют наказать тех, кто пытался сорвать праздник.

Константин некоторое время молчал.

Обычное решение было бы простым. Передать дело городскому суду, выслушать свидетелей, наказать виновных и больше к этому не возвращаться.

Но Константин понимал, что дело уже вышло за пределы обычной драки.

Обе стороны ждали от него решения.

Каждая надеялась, что император или цезарь — в зависимости от того, как называли его люди в разговорах между собой, — встанет именно на её сторону.

И вот этого Константин делать не хотел.

— Пусть придут обе стороны, — сказал он.

Чиновник удивился.

— Сюда?

— Да.

— Представители общин?

— Именно.

— Но обычно такие дела...

— Я знаю, как обычно рассматривают такие дела.

Константин поднялся из-за стола.

— Сегодня я хочу рассмотреть его иначе.

Во дворец представители обеих сторон пришли уже после полудня.

Христиане прислали нескольких старейшин и одного пожилого человека, которого Константин раньше не видел. Тот держался спокойно, не пытался спорить с охраной и даже не выглядел особенно встревоженным.

От жителей города прибыли представители нескольких старых семей. Среди них был и жрец местного святилища — человек с густой седой бородой и тяжёлым взглядом.

Они смотрели друг на друга с плохо скрываемой неприязнью.

Константин заметил это сразу.

Он сидел в кресле, рядом стояли несколько советников. Чуть в стороне находился Максимиан. Старый император не участвовал в разговоре, но Константин видел, что ему интересно, как он поступит.

Первым заговорил городской чиновник.

Он подробно изложил всё, что удалось установить. Молодые люди пришли к месту праздника. Начались выкрики. Затем кто-то толкнул одного из участников процессии. После этого в ход пошли кулаки, палки и камни.

Когда чиновник закончил, Константин посмотрел на представителей христианской общины.

— Вы признаёте, что ваши люди пришли туда?

Пожилой человек сделал шаг вперёд.

— Они пришли говорить с людьми.

— Во время праздника?

— Да.

— Зачем?

Старик немного помолчал.

— Чтобы объяснить им, что они идут ложным путём.

В зале сразу послышался шум.

Константин поднял руку, и все замолчали.

— А кто дал им право решать, каким путём должны идти остальные жители Трира?

Христианин внимательно посмотрел на него.

— Они считают, что их долг...

— Я спросил не об их долге.

Голос Константина оставался спокойным.

— Я спросил, кто дал им право.

Старик не ответил.

Тогда Константин повернулся к другой стороне.

— А вы?

Жрец поднял голову.

— Они оскорбили наш праздник.

— И поэтому ваши люди начали драку?

— Мы защищали себя.

— Камнями?

Жрец нахмурился.

Константин несколько секунд смотрел на обоих.

Затем медленно поднялся.

— Я вижу перед собой людей, которые уверены, что правда находится только на их стороне. И каждый из вас считает, что именно поэтому ему позволено делать то, что запрещено другим.

Он обвёл взглядом зал.

— Один приходит туда, куда его не приглашали, и начинает объяснять чужим людям, как им следует жить. Другой отвечает на слова кулаками и камнями. А потом оба приходят сюда и требуют, чтобы я признал виноватыми только противников.

В зале снова стало тихо.

Константин подошёл ближе.

— Послушайте меня внимательно. Мне безразлично, кому вы молитесь, пока вы живёте по законам Рима.

Он сделал небольшую паузу.

— Пока я правлю Римом, человек будет ценен не потому, кому он молится. А потому, служит ли он империи.

Эти слова прозвучали негромко.

Но теперь в зале не было ни одного человека, который не слушал бы его.

Константин продолжил:

— Христианин имеет право верить так, как считает нужным. Жрец имеет право совершать свои обряды. Но ни один из вас не имеет права устраивать беспорядки в городе, потому что решил, будто его вера важнее закона.

Пожилой христианин медленно произнёс:

— Но есть закон выше человеческого.

Константин посмотрел на него.

— Возможно.

Он сказал это без насмешки.

— Но пока люди живут рядом друг с другом, им всё равно приходится подчиняться человеческим законам. Иначе каждый начнёт считать себя единственным, кто знает истину, и тогда вместо империи останутся тысячи враждующих между собой городов.

Старик хотел что-то ответить, но Константин продолжил:

— Я не запрещаю тебе верить. Не запрещаю говорить о своей вере. Не запрещаю убеждать других людей.

Он повернулся к жрецу.

— И тебе я не запрещаю совершать обряды, которые совершали твои предки.

Затем Константин снова посмотрел на обоих.

— Но Римом правят не жрецы.

Теперь уже Максимиан слегка изменился в лице.

Он понял, что Константин говорит не просто о драке в Трире.

Константин тем временем продолжил:

— Жрец может говорить человеку о том, что ждёт его после смерти. Но пока этот человек живёт на земле Рима, порядок здесь устанавливает власть.

Он сделал паузу.

— И никто не станет использовать свою веру как разре-

шение нарушать закон.

После этого решение оказалось простым.

Все участники драки должны были быть найдены и наказаны независимо от того, к какой общине принадлежали. Городские власти обязали восстановить порядок возле святыни и обеспечить безопасность для всех жителей города.

Никто не получил особых прав.

И никто не был объявлен врагом.

Когда представители общин покинули дворец, Максимиан некоторое время молчал.

Затем медленно произнёс:

— Ты понимаешь, что сейчас сделал?

Константин повернулся к нему.

— Остановил драку.

— Нет.

Старик покачал головой.

— Ты сказал людям то, чего от тебя раньше никто не говорил.

— А именно?

Максимиан внимательно посмотрел на него.

— Ты поставил власть императора выше их веры.

Константин немного подумал.

— Нет.

Он подошёл к окну.

— Я поставил порядок выше их желания заставить остальных жить так, как хочется им.

Максимиан усмехнулся.

— Называй это как хочешь. Но я бы на твоём месте запомнил сегодняшний день.

— Почему?

— Потому что когда-нибудь кто-нибудь обязательно вспомнит эти слова.

Константин посмотрел вниз, на улицы Трира.

Там шла обычная жизнь. Люди торопились по своим делам, торговцы закрывали лавки, солдаты возвращались в казармы.

Он ещё не знал, что небольшой спор в провинциальном городе действительно станет для него началом чего-то большого.

Не войны.

Пока ещё нет.

И даже не борьбы с какой-то верой.

Но с этого дня Константин впервые ясно понял, каким не должен быть будущий Рим.

Ни одна вера не должна получить право говорить от имени всей империи.

А значит, рано или поздно ему придётся решить, сможет ли он удержать этот принцип, когда вокруг появятся люди, которым одного равенства будет уже недостаточно.

Разговор во дворце закончился, однако для Константина эта история не закончилась вместе с уходом представителей двух общин.

Он ещё долго стоял у окна, глядя на улицу, и вспоминал слова пожилого христианина. Тот говорил спокойно, без угрозы и без злобы, но именно это почему-то не давало Константину покоя.

«Есть закон выше человеческого».

Константин прекрасно понимал, что подобные мысли не были чем-то новым. Он слышал похожие слова и раньше, хотя люди, произносившие их, могли обращаться к совершенно разным богам. Жрецы говорили о воле небес. Гадатели ссылались на знамения. Старые римские семьи утверждали, что их обычаи освящены веками и потому не могут быть изменены по прихоти одного правителя.

Но христианин сказал иначе.

Он говорил не о традиции и не о древнем обычае.

Он говорил о законе, который не зависит от государства.

Именно это заставило Константина задуматься.

Он не считал себя человеком, которому позволено решать, во что должны верить миллионы людей. Более того, сама мысль о том, чтобы приказом заставить человека отказаться от своей веры, казалась ему бессмысленной. Страх может заставить молчать. Может заставить человека скрыть свои мысли. Но он никогда не изменит того, что происходит внутри самого человека.

Однако существовала и другая сторона.

Если каждый житель империи начнёт считать, что имеет право нарушить любой приказ, потому что его собственная

вера велит поступить иначе, то государство постепенно перестанет существовать.

Константин медленно повернулся от окна.

В комнате оставался только Максимиан.

— Вы когда-нибудь думали об этом? — спросил Константин.

— О чём именно?

— О том, где заканчивается вера и начинается власть.

Максимиан усмехнулся.

— Я прожил достаточно долго, чтобы понять: они постоянно пытаются зайти друг к другу на территорию.

Константин сел.

— И кто должен отступить?

Старик пожал плечами.

— Обычно проигрывает тот, у кого меньше солдат.

Константин посмотрел на него с неудовольствием.

— Вы опять всё сводите к армии.

— Потому что в конце концов всё к ней сводится.

Максимиан подошёл к столу и налил себе вина.

— Ты можешь издать самый справедливый закон. Можешь говорить о свободе, порядке и равенстве. Но однажды найдётся человек, который скажет, что твой закон его не касается. И тогда тебе придётся решать, что делать дальше.

— Наказывать.

— Даже если его поддерживают тысячи?

— Если он нарушает закон — да.

Максимиан внимательно посмотрел на него.

— А если десятки тысяч?

Константин не ответил сразу.

Он прекрасно понимал, к чему ведёт разговор.

Максимиан не интересовался спором между двумя религиозными общинами. Его интересовало, насколько далеко готов зайти Константин, защищая собственную власть.

— Тогда мне придётся спросить себя, почему они больше не хотят жить по законам империи, — наконец сказал Константин.

Старик усмехнулся.

— Вот поэтому ты опаснее, чем кажешься.

— А я думал, вы считаете меня слишком молодым.

— Молодость проходит. Умение задавать неудобные вопросы остаётся.

Константин снова подошёл к окну.

— Я не хочу, чтобы люди боялись императора.

Максимиан рассмеялся.

— Тогда ты выбрал очень странную профессию.

— Я серьёзно.

— И я серьёзно.

Старик поставил чашу.

— Люди могут любить императора. Могут ненавидеть его. Могут считать его справедливым или жестоким. Но если они перестают его бояться совсем, очень скоро они начинают проверять, что им позволено.

Константин медленно покачал головой.

— Страх — плохая основа для государства.

— Возможно.

Максимиан посмотрел на него.

— Но иногда лучше страх перед одним законом, чем тысяча законов, каждый из которых принадлежит своему жрецу.

Эти слова неожиданно понравились Константину.

Он не стал говорить об этом вслух.

Вместо этого спросил:

— Значит, вы согласны со мной?

— Нет.

Константин повернулся.

— Нет?

— Ты слишком уверен, что сможешь удержать равновесие.

Максимиан подошёл ближе.

— Сегодня ты сказал христианам, что не будешь преследовать их. Это хорошо. Завтра ты скажешь жрецам, что они не получают особых прав. Это тоже хорошо. Но пройдет несколько лет, и одна из сторон станет сильнее другой.

Он поднял палец.

— И тогда тебе придется выбирать.

Константин нахмурился.

— Почему?

— Потому что сильный всегда требует больше.

Несколько секунд они молчали.

Константин хотел возразить, но не смог сразу найти слова.

Максимиан заметил это.

— Вот видишь.

— Я ещё не согласился с вами.

— Не обязательно соглашаться. Иногда достаточно запомнить.

После этих слов старик вышел.

Константин остался один.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.